

ТЕМУР ЧХЕИДЗЕ:

«Я из тех, кто ищет»

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

Главный режиссер БДТ Темур Чхеидзе провел лето в Тбилиси, репетируя с Сухумским театром. Этот коллектив – «беженец» из Абхазии, и своего помещения в Тбилиси у него нет. Поначалу сухумских коллег принял Театр имени Руставели, потом – имени Ахметели, а теперь со спектаклем «Далекое-далекое море» они нашли приют в «Театре королевского квартала». Название пьесы – строчка из Галактиона Табидзе. Сразу понятно, что речь пойдет о море, еще недавно одинаково близком для абхазов и грузин.

Режиссер все перевернул, поменял места: зрительские ряды стоят на возвышении, а актерам отдан небольшой зал. Также подмостками служит открытый балкон в чужонных завитках перил и роскошные лестницы по бокам. Между лестницами островок морской гальки с лежаком, поодаль свернутый пляжный зонт, каталка «Сокиводы». Ни дать ни взять, набережная Сухуми с выходящим на нее особняком.

По ходу действия лестницы превращаются в символ непримиримости. Это два мира. По одну сторону грузины, по другую – абхазы. А крохотный прямоугольник гальки – ключок их общего детства. Вместе росли, учились в университете, дружили,

влюблялись. Ночной разговор двух друзей, которых война сделала врагами. Спектакль идет на русском (конечно, с акцентом), с иногда прорывающимися грузинскими, абхазскими, мингрельскими фразами. Абхазы знают грузинский, но сейчас иначе как на русском с грузинами не общаются.

У каждой стороны своя правда, своя трагедия и свое понимание случившегося. Забыть войну, простить потери никто из них пока не в состоянии. Политический тупик, психологический тупик. И только хрупкая надежда на память сердца. Пьеса почти документальная. В зале слышны всхлипы...

– Темур, как случилась ваша связь с Сухумским театром?

– Уже несколько лет как руководитель Сухумского театра Дима Джаяни просил меня поставить для них спектакль. Я подумал, что это должно быть такое произведение и с моральной точки зрения, и, если хотите, с художественной, которое будет восприниматься как акция Сухумского театра. Мы вышли на писателя Гурама Одишария и заказали ему пьесу. Он коренной сухумец, грузин, сам не воевал, но видел все – и кровь, и горе, и доброту, и взаимовыручку. Теперь он, как и все грузины, жившие в Абхазии, вынужденно перемещенное лицо, попросту беженец. Его книги читают в Абхазии, переводят на абхазский. Мне очень понравилась его творческая и человеческая позиция. Пьеса неоднозначная, я заранее знаю, что будут противники и с той, и с другой стороны. На грузино-абхазский конфликт Гурам смотрит как на глобальную беду, братоубийственную войну и как на страшный грех, который будет лежать на совести обоих народов. Кроме того, он ищет и собственную вину. А я тоже из тех, кто всегда ищет свою вину...

– Этот спектакль – политическая акция?

– Я бы не хотел так формулировать. Если это акция, то скорее человеческая. Мне обидно и больно, если это воспринимается как политический жест. Я ставил спектакль о другом: что делать с человеческими нитями, которые существуют? Как их рвать? Столько боли, крови, столько жизней унесла война. Но ближе ни у тех, ни у других все равно никого нет. Театр должен хоть в чем-то опережать время. Мы должны услышать обе стороны и понять, как быть сейчас.

– В спектакле очень ощутимо, что люди потеряли способность слышать друг друга. Как будто они говорят на разных языках.

– Да, не слышат. Разум говорит свое, а сердце что-то другое. Такой разрыв – разум не пускает, а сердце тянется. Хотелось вот это уловить. Пускай политики не сходятся, остаются на разных полюсах. Но все-таки к финалу мы видим, как людям трудно расставаться. Это главное.

– Пьеса документальная, актерская стилистика тоже не игровая...

– В этом спектакле не нужна внешняя театральность. Актеры должны играть так, чтобы у зрителя возник вопрос: где тут режиссер, что тут делал Чхеидзе? Добиться невидимости для режиссера – самое трудное.

– Вы темур, вы часто говорите о сохранении основ ремесла, особенно у молодых. Чему вы их учите?

– Учу их тому, что мне самому интересно. Я им завирую, у них есть фантазия, они более отчаянные, что ли.

– Вы ведете режиссерский курс в Тбилиском университете театра и кино.

– Это скорее высшие режиссерские курсы. Там четыре режиссера, два драматурга и один художник – смешанный курс. Я специально набрал группу не одной профессии, а чтобы они вместе варились. Чтобы драматурги писали, а режиссеры ставили – и вместе создавали спектакль. Сейчас они уже делают свои независимые работы.

– Молодые режиссеры сегодня воспринимают искусство театра иначе, чем вы, когда были студентом?

– Конечно. И слава Богу. Внешне театр стал совершенно другим. Более ярким, более агрессивным – не в плохом смысле. Поколение, которое идет за нами, они стали меньше копаться, их не очень интересует внутреннее состояние. Им интересна броскость, а не углубление. Лично меня броскость никогда не увлекала. Если мне удастся не лишать их броскости, а вместе с тем дать глубину, было бы хорошо. Без формы искусства не бывает. Но надо уметь вытащить внутреннее состояние человека, показать, что там, в глубине.

– Вы нашли общий язык с труппой?

– Общий язык у нас был давно, поэтому я и согласился стать главным. В театре назрели какие-то изменения, и мне показалось, что, поскольку актеры давно считают меня своим, со мной этот процесс пройдет менее болезненно, чем с новым, посторонним человеком. У меня нет ни малейшего диском-

Что делать с человеческими нитями, которые существуют? Как их рвать? Столько боли, крови, столько жизней унесла абхазо-грузинская война. Но ближе ни у тех, ни у других все равно никого нет. Театр должен хоть в чем-то опережать время. Мы должны услышать обе стороны и понять, как быть сейчас

форта в Петербурге. Даже нет ощущения, что я не дома.

– Дух Товстоногова в театре сохраняется?

– Что-то сохраняется. Но что-то поневоле меняется. Приходят другие люди, новое поколение, которые его не знали и для которых он легенда. Товстоногов – это целая эпоха в развитии вообще русского театра, не только БДТ. Как может быть, чтобы это исчезло? Но видоизменяться может и должно. Не дай Бог, чтобы все застыло. Вы спрашиваете, что осталось? Вот одна простая вещь: в этом театре всё и вся работает на создание спектакля.

– Как вы делите обязанности с Кириллом Лавровым?

– Мы ничего не делим. Мы вместе отвечаем за все. Если он не будет худруком, я не буду главрежем. Понимаете, он необходим театру со своим авторитетом, своим рангом, своим даром руководить незаметно. Лавров – лидер во всем, но внешне это абсолютно не проявляется. Он очень много делает для театра, и в театре думают, что так и надо и что так будет всегда. Дай-то Бог! Одно его присутствие уже создает особую ауру. Это человек высочайшей культуры. С ним очень легко общаться, но он никогда не переходит ту грань, за которой стоит панибратство. Он внимательно слушает и, главное, слышит. Это не значит, что он идет на поводу у окружающих. Вообще он мудрый человек. И, конечно, Артист с большой буквы. Я думаю, что еще много добрых слов он услышит на своем юбилее. 15 сентября театр будет праздновать его 80-летие.

«СВОЮ ВИНУ»

– А что сейчас происходит с театром Марджанишвили?

– Вот реконструкция закончится, тогда можно будет говорить.

– Внешне он великолепен.

– И внутри неплох. Сцена изменилась, планшет стал более подвижным, новая аппаратура... Но я там уже не работаю. Я не могу разорваться на сегодняшний день я остаюсь главным режиссером БДТ. И то до поры до времени.

– Что значит «до поры до времени»?

– Надо закончить, что задумал, а потом решать, как быть.

– А что вы задумали?

– Много чего, начиная с организационной стороны. Наверное, с января в БДТ будет контрактная система. Волевым решением все идет к этому. Сейчас около 50 % сотрудников на контрактах – те, кого принимали в последние десять лет. В том числе и у меня контракт. Он еще год будет действовать. Это необходимо. Так лучше и для театра, и для актеров, и для всех.

мне дорог, может быть, дороже всего, что я ставил в БДТ. Я понимаю удивленные глаза дирекции, но всему свое время. Надо снимать спектакль до того, как он умрет прямо на глазах у публики.

– Радио «Свобода» назвало географическое соединение: Петербург, Тбилиси и разные точки мира, где вы ставили оперы, творческим Бермудским треугольником Чхеидзе. Как вам удается существовать в нем?

– У меня не так много зарубежных постановок. Правда, мне выпало счастье работать в Metropolitan Opera, в миланской La Scala. Это Валерий Гергиев затащил меня в оперу, и я ему очень благодарен. Не будь Гергиева, не было бы моих оперных постановок.

– В ваших ближайших планах есть опера?

– «Паяцы» в 2006 году, если наш Тбилисский театр оперы и балета не передумает.

– Нынешняя политическая ситуация между Россией и Грузией, как вы к ней относитесь?

– Я стараюсь к ней никак не относиться. На меня она, как видите, не влияет, я работаю и тут, и там. Я думаю, что это временное явление. Рано или поздно политикам это надоест. Ну дайте ребятам поиграть в войну. Мне кажется, они все закомплексованные люди. Я же тоже играю – ставлю спектакли. А у политиков свои игры.

– Где ваш дом?

– Здесь в Тбилиси. Хотя я должен жить всюду, не знаю, почему так. Такая привычка. Сейчас ректор нашего театрального университета Георгий Маргвелашвили хочет наладить отношения с Петербургской театральной академией. Он назначил меня своим послом в Петербурге... Хочется хоть на какое-то время отправить наших молодых режиссеров в Питер, чтобы они элементарно побродили по городу, сходили в Эрмитаж... Заметьте, инициатива исходит из Тбилиси, значит, нам нужны эти связи.

– Темур, вы человек, одинаково принадлежащий двум странам. Кем вы себя ощущаете?

– Я абсолютно, от корней волос до пяток, грузин.

На психику больше всего давит что? Скажите человеку, что он больше никогда не увидит свой дом. Вот тогда наступает шок. А я в любой момент могу приехать. Это очень важно. Обратите внимание, я года не пропускаю, обязательно ставлю здесь спектакль, чтобы, не дай Господь, не прервалось что-то.